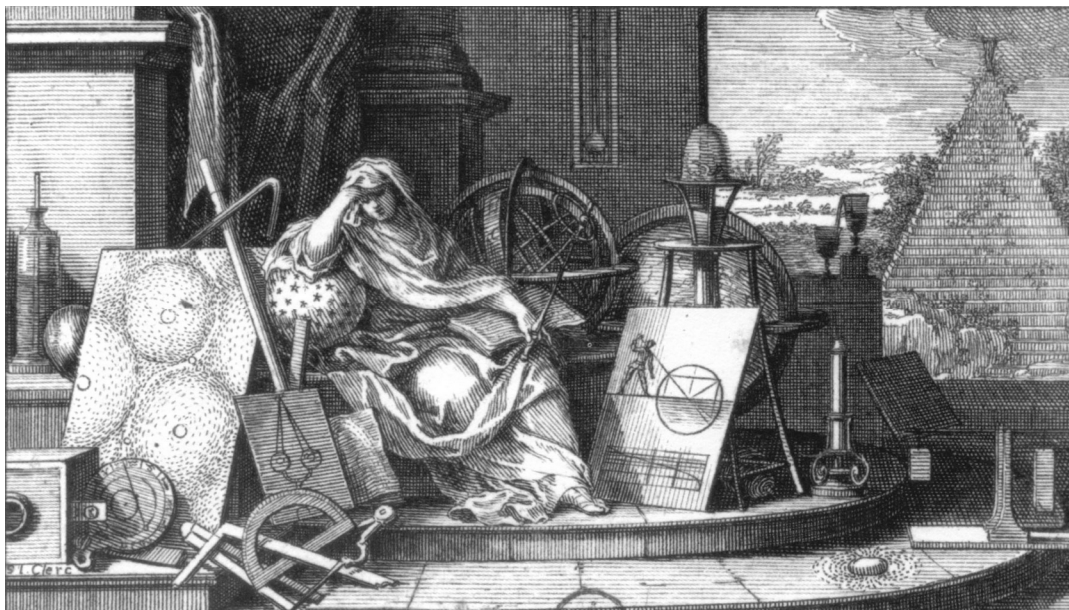

Философия. Гравюра Себастьяна Леклерка. 1707.

УДК 1:32

Роцинский С.Б.

Стоит ли философии претендовать на место в политическом пространстве?

Роцинский Станислав Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: stanislav-b-rotsinsky@j-spacetime.com; rotsinsky@bk.ru

Рассматривается проблема взаимодействия политики и философии в решении вопросов управления обществом и государством. В ходе анализа истории вопроса выделены два противоположных подхода к оценке отношения власти к философии: софократический (учение Платона) и технократический (концепция К. Поппера). Синтезом этих крайностей является точка зрения, согласно которой оптимальным типом взаимоотношения философии и власти является такой, когда государственный правитель обладает философской культурой и не препятствует философскому свободомыслию (Гегель, Кант).

Ключевые слова: философия, политика, государство, власть, софократия, технократия, мудрое правление, наукоучение, логика культуры, принятие политического решения.

Философия и политика – извечные друзья-враги. Сближает их то, что и философия, и политика являются формами человеческой культуры, для той и другой свойственно стремление к истине, и та, и другая с помощью своих специфических средств занимаются проблемами человека, общества, отношений между людьми. В политике философия черпает эмпирический материал для своих теоретических обобщений, в философии содержатся полезные для политики мысли по части теории, методологии, логики истории и культуры. Это и многое другое могло бы служить основой для мирного и взаи-

мополезного сосуществования этих двух областей человеческой деятельности. Но, с другой стороны, в характере и целях этой деятельности есть немало такого, что не позволяет политике и философии жить в вечном согласии, что не делает их отношения дружескими, а, напротив, нередко приводит к их вражде. Причин тому много, и одними из главных являются разногласия гносеологического свойства. Если философия занимается поиском и обоснованием наиболее общих законов сущего и должного, то политика озабочена исследованием дел насущных, партикулярных, связанных с решением проблем настоящего и обозримого будущего. Если материалом философского дискурса собственно философии являются идеи, и столкновение позиций и мнений в ее сфере происходит в форме дискуссии, полемики, взаимной критики, то аргументами политического языка власти являются интересы, а при возникновении политических разногласий «оружие критики» нередко заменяется «критикой оружием» (Маркс).

Если говорить в целом, то отношения между политикой и философией являются частным случаем того общего отношения, которое существует между практикой и теорией, сущим и должным, индивидуальным и универсальным. Еще Аристотель указывал, что если философия имеет своим предметом первые причины и начала всего сущего, то все другие рассудочные дисциплины занимаются отдельными областями сущего, «имеют дело с тем или другим <специальным> бытием, и, отведя себе какую-нибудь <отдельную> область, они занимаются этой областью, а не сущим просто как таким...» (Метафизика 1025b 1–26)¹. Прямым углом занимается и геометр, и плотник, но первый видит в его свойстве истину высшего порядка, тогда как второму он нужен для использования в деле. Подобным образом это различие в характере мышления относится и к случаю с философией и политикой.

Тем не менее, многие философы считали, что в вопросах политики частное не следует отделять от всеобщего, что философский разум способен научить преобразовывать не только природу, но и общество, что задача власти и есть осуществление абсолютно должного в «неподлинном бытии» сущего. Начало такого воззрения было положено в учении Платона. Как отмечает современный исследователь данного вопроса Б.Г. Капустин, для сторонника такой позиции философа-рационалиста нет сомнения в том, что он «знает, как преобразовать познанный предмет в целях его собственного совершенствования, чтобы он более полно и последовательно (непротиворечиво) воплощал ту "объективную" истину, которая открылась "чисто научному" мышлению... Здесь и начинается "проектность" метафизического мышления (ныне называемая чаще "социальной инженерией")»².

Конечно, не всякая философия, рассуждающая о политике и власти, претендует на то, чтобы ее идеи становились руководством к реформаторскому или революционному действию. Равным образом и политика, занятая проектами социальных преобразований или же вопросами завоевания, осуществления и удержания власти, может и не оглядываться на существующие философские теории и доктрины, что, собственно, чаще всего и происходит. Но даже в таких случаях эти две области не остаются в полной изолированности друг от друга. Связь между ними всегда существовала – явная или неявная, прямая или косвенная. И об этом убедительно свидетельствует исторический опыт.

Проблемами политики и государственности философия занималась чуть ли не с самого своего зарождения. Еще в VI веке до н.э. в Китае Конфуций создал социально-этическое учение о государстве, которое не теряет там своей актуальности по сей день. Особенностью этого учения было то, что оно явилось не плодом умственных построений, а систематизацией тех отношений, которые уже складывались в тогдашнем китайском обществе. «Излагаю, а не сочиняю», – так характеризовал учитель Кун метод своих поучений. Он был убежден в том, что совершенствование отношений между властителями и подчиненными заложено в самой человеческой природе. Следование природе, традиции, культуре и есть тот путь, по которому должен идти «благородный муж», взявший на себя бремя управления государством. Учение Конфуция – не схема или теоретическая модель государства определенного типа, а система норм и принципов, которые должны соблюдаться в обществе во взаимоотношениях между людьми, стоящими на разных ступенях социальной иерархии.

Примерно полтора века спустя в Древней Греции на арене политической риторики появляется колоритная фигура Сократа. В отличие от Конфуция, который в известном смысле апологизировал традиционные порядки и отношения, Сократ, излагая свои социально-этические идеи, преуспел в критике той формы государственности, ко-

Конфуций исполняет обязанности судьи в царстве Лу.
Китайская гравюра

¹ Аристотель. Метафизика. М. – Л.: Госсозэкономиздат, 1934.

² Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 2000. С. 92.

торая существовала в его время в демократических Афинах.

«Цари и правители, – говорил Сократ, – не те, которые носят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию или насилием или обманом, но те, которые умеют управлять»¹.

Так писал Ксенофонт, ученик и биограф Сократа. Принципиальное различие между позициями философа и афинских охранителей показывает Вл. Соловьев в своем очерке «Жизненная драма Платона». Сократ, пишет он, вовсе не был лишен патриотической лояльности, он «признавал смысл и правду и в народных верованиях, и в практическом авторитете отечественных законов», которыми руководствовались охранители. Но «он был против слепой, безотчетной веры, не хотел ничего принимать без предварительного испытания»². И далее:

«Охранителям Сократ как бы говорил так: "...Прекрасно, что вы охранители, беда лишь в том, что вы – плохие охранители: вы не знаете и не умеете что и как охранять. Вы действуете ощупью, как попало, подобно слепым. Слепота ваша происходит... от вашей глупости и невежества". – Чем же можно на это ответить, кроме темницы и яда?»³.

В трагическом итоге жизненного пути Сократа ярко выразилось отношения к философской критике в адрес власти со стороны носителей и охранителей этой власти. Ханна Арентс в своей работе «Философия и политика» писала по этому поводу:

«Пропасть между философией и политикой наметилась со времени суда и приговора Сократу, которые в истории политической мысли явились таким же поворотным пунктом, каким был суд над Иисусом для истории религии»⁴.

Сократ в суде. Барельеф работы А. Кановы. Конец XVIII в. Фрагмент

Вл. Соловьев следующим образом пояснял суть коллизии Сократа с афинскими властями:

«Дело именно в том, что антагонизм здесь был не принципиальный в смысле отвлеченно-теоретическом, а жизненный, практический и, можно сказать, личный... Сократ указывал, а главное, доказывал неопровержимым образом умственную несостоятельность своих противников, и это была, конечно, вина непростительная»⁵.

Честолюбивая подоплека неприятия философских мудрствований людьми, обладающими властью, – факт психологический. Поэт Давид Кутультинов написал по этому поводу:

«Вам все простится, кроме превосходства
Ума, так прячьте разум», – произнес
Философ хоть с улыбкой, но всерьез...»⁶.

Осуждение на смерть Сократа не остановило философского интереса античных мыслителей к государственным делам. Превзошедший талантом своего казненного учителя Платон продолжает критиковать афинские демократические порядки и другие «несовершенные» формы осуществления власти. В противовес им он создает свое учение об «идеальном» государстве, рационализированная модель которого осталась в истории как умоизобразительное построение гениального мыслителя.

Прилагая свою метафизику к доктрине государственной власти, Платон, как известно, доказывал, что функцию ведения государственных дел должна взять на себя философия. «Государством должны управлять философы», – этот тезис Платона на долгие века стал предметом споров. В более или менее резкой форме свое несогласие с ним высказывали многие, в том числе такие авторитетные мыслители, как Кант, Гегель, Ницше. Отрицательная точка зрения на этот вопрос наиболее радикально, пожалуй, изложена Карлом Поппером в книге «Открытое общество и его враги». В ней Поппер за-

¹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 99.

² Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 592.

³ Там же. С. 593.

⁴ Арентс Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФРАН, 2008. С. 153.

⁵ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 593.

⁶ Кутультинов Д. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная лит., 1970. С. 64.

дался целью буквально камня на камне не оставить не только от «софократии» Платона, но и от всей философской системы древнегреческого философа. Подвергая тотальной критике «философию историцизма», Поппер всячески доказывал, что государственный руководитель должен заниматься не «утопической социальной инженерией», изобретенной мудрствованиями философов, а исключительно «постепенной, поэтапной инженерией», направляя усилия и ресурсы не на воплощение какого-то идеала, а на решение конкретных проблем частного характера.

Таким образом, во взгляде на роль философии в государственном управлении просматриваются по меньшей мере две позиции, причем позиции крайне противоположные. Первая из них содержится в учении Платона и сводится к утверждению, что государством должны управлять философы. В трактате «Государство» устами Сократа Платон говорит буквально следующее:

«Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия – ...до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол»¹.

Противоположную точку зрения, которую достаточно резко обозначил К. Поппер, разделял также Гегель, несмотря на идейное родство с Платоном в базисных философских вопросах. Гегель исходил из того, что развитие общества и государства – процесс естественноисторический. Своего «идеального» состояния государство может достигнуть не сразу, будучи выстроенным по образцовому плану мудреца, а в результате длительного хода постепенного развития. Совершенствование государства происходит по мудрости не субъективного, а объективного духа, по воле высшего разума, который правит миром.

«...Идея осуществляется в мире, и ...вовсе не необходимо, чтобы правящие обладали идеей»².

Если бы даже правители государства и обладали этой высшей идеей, им вряд ли удалось бы ее осуществить. Ибо «это осуществление лишь частью совершается мыслью, частью же оно совершается благодаря внешним обстоятельствам, благодаря человеческим действиям как средствам»³. Обладающий энтелехийной силой мировой разум, прокладывая себе дорогу через частные препятствия и временные отступления, выступает в конечном счете высшим архитектором государственного строительства.

Гегель на конкретных примерах показывает, что соединение философии и бразды правления государством, имевшее место в истории, не давало сколько-нибудь ощутимого позитивного результата. В частности, «философом на троне» был римский император II в. Марк Аврелий. Как философ это был крупный представитель позднего стоицизма. Но данное его достоинство не имело особого значения в управлении государством.

«...Мы можем указать только частные его поступки, – пишет Гегель, – а Римская империя не сделалась благодаря ему лучшей»⁴.

В ряду философов-правителей можно назвать и более известные нам имена отечественных правителей – Екатерины II и В.И. Ленина. «Философствующая на троне» русская императрица на самом деле философствовала не на троне, а, скорее, в свободное от государственных дел время. Ибо как только дело касалось именно дел, а не рассуждений, в том числе и выраженных в ее знаменитом «Наказе», то всякие либеральные идеи, заимствованные из европейской мысли, властно корректировались фактором «внешних обстоятельств», увязали в неподатливой, консервативной среде российской действительности, объективно не готовой к восприятию идей французских философов-просветителей.

Что касается Ленина, то его деятельность в качестве политика-философа описана достаточно обстоятельно с самых разных сторон. Я же отмечу лишь два момента. Первый заключается в том, что философию марксизма Ленин применял с существенными поправками «на большевистский манер». Прежде всего в той ее части, которая повторяла, в сущности, гегелевскую идею естественности исторического процесса: новый

Разговор Дидро и Екатерины II.
Художник Г. Берндтсон. 1893

¹ Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 252.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 134.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 136.

Пароход «Обербургомистр Хакен» (первый «Философский пароход») перед погрузкой. Кадр кинохроники. 1922

общественный порядок не может наступить раньше самой историей назначенного срока, старый порядок не может сойти с исторической арены, не исчерпав полностью возможностей дальнейшего развития. Россия же была далека от того, чтобы ресурсы капиталистической фазы ее развития можно было считать исчерпанными. Правда, есть основания полагать, что с окончанием гражданской войны Ленин под знаком «новой экономической политики» намеревался восстановить status quo естественного хода развития России, тем самым вернуться на почву последовательного понимания философии истории как в марксистском, так и в гегелевском истолковании.

В тоже время именно с началом НЭПа, в 1922–1923 гг., ужесточается и борьба с инакомыслием, и по инициативе Ленина из Петрограда в Штеттин отправляется «Философский пароход». Сталинский режим прекратил начавшиеся было попытки предпринимательского либерализма, но возрождение стихийного, «дикого» постсоветского капитализма в 1990-е гг. – не есть ли это подтверждение верности гегелевско-марксистской идеи о естественности и закономерности исторического процесса?

Второй момент заключается в том, что в действительности Ленин ни в коей мере не был «софократом»: у него философия вовсе не первенствовала над политикой, а, напротив, служила лишь инструментом в политической технологии. Для него любые истины, даже истины математики, если они задевают интересы людей в их классовой борьбе, достойны опровержения¹. Если же вспомнить еще и Сталина, то он не только в еще большей степени, чем Ленин, поставил философию в полную зависимость от политики, но и очертил философию такими узкими рамками, что то, что от нее осталось, и философией-то назвать было нельзя.

Таким образом, аргументов в подтверждение того, что у философии не получалось быть достойной руководительницей политическими делами, наберется предостаточно. Однако что касается доказательств обратного свойства, свидетельствующих о том, что игнорирование философии, отказ от прислушивания к ее голосу при принятии политических решений приводит к ошибочности, а то и вредности этих решений, – то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Ибо для объяснения провалов в политике всегда найдется масса других причин, и вряд ли за них кому-нибудь из государственных деятелей будет поставлено в вину небрежение философией. Прагматически ориентированное сознание всегда будет искать причины в ошибках и просчетах политиков, распад СССР будет объяснять тем, что он произошел в результате «аппаратных игр», подрывной деятельности «агентов влияния», тайного сговора сепаратистов и т.п. Политтехнологическое разумение исторических событий никогда всерьез не воспримет их философского толкования. Не примет в духе историософской концепции Вл. Соловьева, согласно которой «установление внешнего, политического единства решительно обнаружит его недостаточность»², вследствие чего после стадии принудительного единства собираемого тела империи закономерно наступает период его дробления. Равно как и не примет гегелевского объяснения причины падения политических режимов «исторической необходимостью».

«Сколь слепы те, кто полагает, – писал Гегель, – что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более нравам, потребностям и взглядам людей»³.

Однако отношение к вопросу о возможности философии каким-то образом влиять на политические события не ограничивается лишь полярными точками зрения. взаимодействие тезиса и антитезиса предполагает синтез. Исторический пример и соответствующее толкование такого синтеза мы находим опять-таки у Гегеля. Речь идет о личности и деятельности прусского короля Фридриха II, которого Гегель называет «философическим королем», поскольку тот занимался вольфовской метафизикой и французской философией, сочинял стихи и «был, таким образом, философом согласно воззрению его времени». Однако философия, отмечает Гегель, была его личной склонностью и не была непосредственным образом связана с его королевскими функциями.

¹ См.: Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Избранные сочинения: В 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 59.

² Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 478.

³ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 50.

«Но, – продолжает далее Гегель, – он был философическим королем также и в том смысле, что он сделал для себя принципом во всех своих действиях и во всех своих учреждениях совершенно общую цель, благо, пользу своего государства, противопоставляя этот принцип договорам с другими государствами, партикулярным правам в своем собственном государстве, подчиняя их в себе и для себя всеобщей цели. Но так как позднее такое поведение государей стало чем-то обычным, то последующих государей не называют более философами, хотя тот же принцип продолжает руководить их действиями; как и правительство, так и учреждения преимущественно зиждутся на этом принципе»¹.

Следовательно, по Гегелю, критерием достоинства государственного руководителя не может быть ни всецелая его поглощенность философией, ни отсутствие в его личной культуре всяческой философии. Мудрый правитель тот, кто в своих действиях руководствуется определенными принципами. Выбор же этих принципов, в свою очередь, напрямую связан с его «философичностью», или, говоря проще, с его философской, интеллектуальной культурой.

Следует отметить, что король Фридрих II заботился не только о собственной культуре. Примечательным его нововведением была отмена цензуры и обеспечение свободы прессы, при нем началось переустройство Пруссии на началах Просвещения. Его деятельность очень высоко ценил И. Кант, писавший о том времени: «...наш век есть век Просвещения, или век *Фридриха*»². В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» Кант говорит о свободе слова и мысли как важнейшем условии, при котором возможно сотрудничество политики и философии, власти и просвещенной части общества. Монарх, законодатель

«сам наносит ущерб своему величию, – писал Кант, – ...когда он доверяет своему правительству надзор над сочинениями, в которых его подданные пытаются разобраться в своих взглядах, ...когда он свою высшую власть унижает настолько, что начинает поддерживать в своем государстве духовный деспотизм»³.

Склонность и призывание к свободному мышлению, по мнению Канта, зародила в человеке сама природа, и

«этот зародыш в вою очередь воздействует исподволь на образ мыслей народа (благодаря чему народ становится все более способным *действовать свободно*) и даже, наконец, на принципы *правления*»⁴.

Принципы свободы мысли и слова, провозглашенные И. Кантом, стали впоследствии нормами жизни цивилизованных обществ. Но далеко не у всякой власти хватало мудрости следовать этим принципам. Именно в условиях дефицита или отсутствия личной свободы становится особенно нужной свободная философия.

В.М. Межуев, рассматривая проблему функционирования свободной философии в публичном пространстве, писал по этому поводу:

«В условиях деспотической и тиранической власти, ее узурпации разного рода "отцами народов", философия в ее собственном качестве была и остается языком не власти, а оппозиции, проясняющим и доводящим до сознания всех смысл и значение человеческой свободы»⁵.

Политическая роль философии, убежден исследователь, и, в конечном счете, ее призвание – служить не власти, а обществу.

Таким образом, из всего сказанного можно сформулировать некоторые выводы о различных типах отношения философии и политики. Платоновская идеальная модель государства, где власть принадлежит философии, может быть обозначена, если употребить термин Поппера, как «софократия». Противоположная ей, в которой ценность философии начисто отрицается и правит холодный расчет политической выгоды, заслуживает названия «технократия». Персонифицировать эти модели можно в

Философы за столом короля Фридриха II в Сан-Суси. Художник А. фон Менцель. 1850

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. С. 134.

² Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Kami, 1994. С. 143.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 147

⁵ Межуев В.М. Философия и «публичное пространство» // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 61.

Поклонение волхвов. Художник Сандро Боттичелли. Ок. 1475. Фрагмент.
На переднем плане слева направо: Лоренцо Медичи, Анджело Полициано и Джованни Пико della Мирандола

Диспут королевы Кристины Шведской и Рене Декарта. Художник Н. Форсберг. 1884. Фрагмент

Г.В. Лейбниц представляет Софии-Шарлотте Бранденбургской план создания Прусской академии наук. Гравюра XVII в.

соответствующих типах правителей: правитель-софократ и правитель-технократ. Если употребить терминологию Канта, то здесь можно говорить о таких понятиях, как «категорический императив» и «условный императив». Для софократа высшим авторитетом является категорический, безусловный императив, обязывающий к исполнению высших для него принципов независимо от обстоятельств места и времени. Технократ действует по формуле условного императива: если обстоятельства сложатся так-то, то я приму такое-то решение.

Третью, срединную точку зрения, видимо, можно было бы соотнести с синтетическим словообразованием «технософократия». Для наделенного властью лица, исповедующего и осуществляющего эту позицию в своей политической практике, вполне подошло бы название «правитель-мудрец». Мудрый правитель, обладающий философской (и не только) культурой, при принятии решений руководствуется не только прагматическими соображениями, но и основополагающими принципами и нормами культуры, которые, собственно, и являются выражением глубокой жизненной философии своего времени. преследуя те или иные конкретные цели, исходя из собственных интересов, мудрый правитель в выборе и использовании средств достижения этих целей непременно сверяется с определенными универсальными, общечеловеческими, общепризнанными нормами и принципами.

Эти принципы, нормы и ценности вырабатываются, конечно, не философами, а опытом человеческой истории. Но формулирует их философия, являясь квинтэссенцией общественного самосознания той или иной эпохи. В разные эпохи эти принципы были, конечно, не одни и те же. У правителей эпохи Платона они были одни, во времена Макиавелли – другие, в век Локка – уже третьи. И т.д.

Разумеется, не всякая философия нужна политике, во всяком случае, для надлежащего уровня философской культуры политических лидеров. В свое время В.С. Соловьев, размышляя над подобными вопросами, исходил из того, что есть «философия школы» и есть «философия жизни». Первая, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет прямой связи с общественной жизнью, тогда как вторая философия находится внутри этой жизни, стремится участвовать в ее образовании и преобразовании¹. В.С. Библер делает подобное различие при помощи других терминов – философия как «наукоучение» и философия как «логика культуры». Эта вторая философия «в первом приближении... актуализируется именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур»². Австрийский ученый Кристоф Гюнцль резонно утверждает, что угрожающий существованию рода человеческого конфликт между Востоком и Западом «должен быть решен с помощью новой философии... иначе этот спор может окончиться атомным уничтожением»³.

«Эго-деятель» и «эко-деятель» – такое название дает в своей статье Ю.М. Резник типам людей, из которых один – это «человек, ориентированный на себя, игнорирующий общие интересы», а другой – «формирует иной жизненный стиль, который отличается сбалансированным и гармоническим

¹ См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 179.

² Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 14.

³ Гюнцль Кристоф. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М.: Республика, 1993. С. 18–19.

взаимодействием с природным и социальным окружением»¹. Эти характеристики полностью относятся к политическим лидерам. И очень хочется разделить оптимистическую веру автора статьи в то, что альтернативой существующему эго-системному миропорядку наконец станет «экологический коммунитаризм, где главными действующими лицами станут эко-деятели»². Но это станет возможным лишь тогда, когда философия экологического коммунитаризма преодолеет сопротивление приверженцев конфронтационного мышления эго-деятелей, прежде всего тех, кто решает задачи государственного и мирового масштаба.

Вот к голосу такой философии и должна, видимо, прислушиваться политика. И если «философия школы», философия как «наукоучение» вряд ли способна преуспеть в роли наставницы государственных мужей, то философия как «логика культуры», безусловно, может и должна быть мудрой советчицей политических лидеров, прочих представителей политических элит и управленцев различных уровней³. А они, со своей стороны, должны вдумчиво прислушиваться к ее советам и рационально осмысливать их перед тем, как принимать решения, имеющие жизненно важное значение для общества, государства и всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФРАН, 2008. С. 153–180.
2. Аристотель. Метафизика. М. – Л.: Госсоцэкономиздат, 1934. 348 с.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. 424 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
6. Гюнцль К. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М.: Республика, 1993. 191 с.
7. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Камі, 1994. С. 125–147.
8. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 2000. 308 с.
9. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 380 с.
10. Кугультинов Д. Избранные произведения. в 2 т. Т. 1. М.: Художественная лит., 1970. 431 с.
11. Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Избранные сочинения. в 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 59–67.
12. Межуев В.М. Философия и «публичное пространство» // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 51–61.
13. Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
14. Резник Ю.М. Вера в общее дело (Экзистенциальные размышления) // Личность. Культура. Общество, 2014. Т. XVI. Вып. 3–4 (83–84). С. 8–26.
15. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 582–625.
16. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 259–410.
17. Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
18. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 548–555.
19. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
20. Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/>.
21. Badiou A., Hallward P. "Politics and Philosophy: An Interview with Alain Badiou." *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities* 3.3 (1998): 113–133.
22. Baghramian M., Ingram A. *Pluralism: The Philosophy and Politics of Diversity*. London: Routledge, 2014. 290 p.
23. Davis M. *The Politics of Philosophy: A Commentary on Aristotle's Politics*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 176 p.
24. Geuss R. *Philosophy and Real Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 126 p.
25. Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolo Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Leiden, Boston: Brill, 2009. 351 p.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Рощинский, С. Б. Стоит ли философии претендовать на место в политическом пространстве? / С.Б. Рощинский // Пространство и Время. — 2015. — № 4(22). — С. 68—75. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_rst4-22.2015.31.

¹ Резник Ю.М. Вера в общее дело (Экзистенциальные размышления) // Личность. Культура. Общество, 2014. Т. XVI. Вып. 3–4 (83–84). С. 24.

² Там же. С. 26.

³ См. в этой связи, например: Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/>.